

УДК 9.93/94

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, Томск (Россия)

**Мировоззренческая основа русско-аборигенных коммуникаций
в Южной Сибири в XVII в.**

Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье ставится проблема выявления общих, в истоке евразийских, ментальных и социокультурных констант, которые способствовали взаимопониманию и определяли положительный результат межэтнических контактов. К ним можно отнести превалирование константы *люди* в оппозиции «земля-люди», устойчивость дарообменных отношений как основы социально-политических коммуникаций, спокойное восприятие культурных отличий друг друга, представление о власти не только как об обязательно сильной, но и как о щедрой и справедливой.

Ключевые слова: Московское царство, Южная Сибирь, межкультурные коммуникации, евразийские константы.

L.I. Sherstova

Tomsk State University, (Russia)

E-mail: sherstova58@mail.ru

**Worldview basis of Russian-Aboriginal Communications in Southern Siberia
in the 17th Century**

Abstract. The article rises question of understanding of common mental and sociocultural constants, mostly Eurasian, which helped mutual understanding and determined the positive outcome of interethnic contacts. The constants are: prevalence of “human” in “land-human” dichotomy, stability of gift giving relations as the basis for contacts, neutral perception of cultural differences of the partner, understanding of a Power not only as a strong, but also generous and fair

Keywords: Moscovite Tsardom, Southern Siberia, intercultural communications, Eurasian constants.

Современные представления о прошлом приобретают качество научных знаний только при условии понимания того, что люди другой исторической эпохи обладали в чем-то отличным от нас восприятием окружающего мира. Безусловно, какие-то его отголоски сохраняются в менталитете современных народов, но часто они становятся слабо понимаемыми и отодвигаются на периферию научного анализа. Между тем, можно предположить, что в начале XVII в. мировоззрение пришедших в Южную Сибирь русских и местных тюркоязычных народов имело свою специфику, отличную от современного и содержало в себе некое одинаковое или близкое понимание социально пространства. Такое предположение позволяет решить проблему, поставленную еще Г.В. Вернадским, о причинах стремительного продвижения русских по Сибири, их закрепления, и в целом, мирного характера русско-аборигенных отношений.

Одной из универсальных мировоззренческих констант является оппозиция «земля - люди». Государство можем расширять свои пределы двумя способами, либо завоевывая территорию, а затем приводя в подданство местные народы. Либо, не обладая достаточной военной силой и вследствие своих культурно-цивилизационных особенностей, сначала устанавливает политическую, экономическую зависимость, втягивая покоренное население в сферу своих социокультурных отношений, а потом закрепляет за собой территорию их обитания. Если первый вариант определял международные отношения в Западной Европе с ее бесконечными войнами за территории, то второй вариант был широко распространен в древнем Китае, Центральной Азии. Его практиковали и монголы по отношению к населению Древней Руси – пройдя по ее территории, они не остались на ней, а спустились в низовья Волги, установив экономическую ее зависимость в виде дани и политическую – через выдачу ярлыков древнерусским князьям при их безусловной лояльности. Формирующаяся в недрах Золотой Орды московская государственность многое заимствовала из ордынских порядков, что и проявилось позже в ее политике по отношению к сибирским народам.

В подвижных обществах размеры территории еще не определяли значимость и богатство их правителей. Военная сила «кочевых империй» народов Центральной Азии определялась как можно большей численностью зависимого населения и базировалась на величине улуса, под которым понимались не столько размеры территории, сколько «владение», «народ, данный в феодальное держание» [1, с. 118]. Тэмучин становится Чингисханом, когда к нему прикочевывают его родственники, а затем его власть признают другие монгольские племена. Главное его богатство и сила его государства - это люди. Чем больше улус, тем сильнее власть его правителя. Точно такое же представление об источнике силы государства демонстрировали московские правители в Сибири.

Военные столкновения между Москвой, с одной стороны и енисейскими киргизами, а также монголами Джунгарии и Алтын-ханами, с другой, своей причиной имели не территориальные споры. Их причиной было установление политической зависимости проживавших в междуречье Оби и Енисея тюркоязычных народов. Примерное равновесие противоборствующих сил привело к появлению оригинального политического института «двоеданства», в рамках которого спорное население одновременно было подданными двух, а то и трех государств одновременно. Таким образом, главным богатством Сибири, по мнению московских царей, как и правителей «евразийских империй» были не земли, а местные народы, которые, приняв подданство, занимали свое место в социальной структуре, как еще одно сословие российского социума – сословие ясачных.

Именно численность сибирских подданных легитимизировала московскую власть в ее азиатской части. Отсюда и постоянный рефрен наказов царей сибирским воеводам о их главной задаче – «полнить волости», т.е. увеличивать численность российских подданных в Сибири. Поэтому разновременное вхождение в состав России населения и его территории – явление нередкое в сибирской истории. С этим, например, связана проблема определения даты включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объяснена из Кетска и Томска, и в одностороннем порядке, на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов) вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680 г., когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 г., когда, наконец, тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья, фактически, уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли верховой Енисея: качинцы и аринцы с севера, моторы-койбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших эти миграции, что имело рациональное объяснение – будучи уже российскими подданными, беглецы, оказавшись на землях еще неконтролируемых Москвой, распространяли ее власть и на эти территории. Окончательное ее закрепление произошло после основания в 1707 г. Абаканского, а в 1709 г. Саянского острогов, которые обозначили пределы Русского государства в Южной Сибири.

Налаживанию паритетных отношений между русской властью и сибирскими народами способствовало и отсутствие высокомерия, что базировалось на очень важной установке восприятия народов за Уральскими горами, сформулированной еще во времена Древней Руси. Первое упоминание о встрече с зауральским населением относится к 1096 г., когда посланец новгородца Гюрата Роговича совершил поход в «землю Югорскую». О ее населении в древнерусских летописях сказано «Югра же людье [люди – Л.Ш.] есть», которые, так же, как и народ Древней Руси, произошли от сына Ноя Иафета [2, с. 19–20]. Эта важнейшая константа, поставившая знак равенства между русскими и сибирскими народами, предполагала и перенос на взаимодействие с ними тех же норм и правил, какие использовались при отношениях со «своими». Важным свидетельством того, что русские не испытали культурного шока при знакомстве с сибирскими народами, является и то, что в их документах, фактически, не встречаются описания и тем более, оценки чужой культуры, что свидетельствует о том, что границы «свой-чужой» были предельно размыты, а значит не возникло социально-психологической основы для пренебрежения или ксенофобии.

Восприятие правителями подданных как «основного богатства», как «своих» требовало от них и особых отношений. Власть, как в тюркской, так и в русской традиции должна быть сильной. Поэтому стоило Ермаку победить Кучума, как часть его элиты поступила на русскую службу. Уже в 1626 г. в составе, например, томского гарнизона насчитывалось 130 "служилых татар" – еуштинцев, чатов, телеутов. С 1633 г. часть их, как и русские служилые, стала получать годовое жалованье в сумме 3–8 рублей [2, с. 76]. Но не только сила делала законной власть, она должна быть нравственной, т.е. справедливо относящейся ко всем, она должна быть богатой и щедрой.

Все посольства в Москву или приезды послов, князцов, ясачных в сибирские *города*, и остроги, обязательно сопровождалось устройством обильных пиров, раздачей подарков и угощений, произнесением взаимных благопожеланий. Таким образом, внешняя сторона

вассальных отношений, имевшая сакрально-зрелищное и материальное выражение (дарообменные отношения), была понятна всем, что и облегчало установление отношений подданства, подчинения новой власти. Можно даже предположить, что взаимопонимание русских и тюркских народов в XVII в. было более глубоким, чем в поздние периоды их взаимоотношений, ведь мировоззрение обеих этнических общностей опиралось на традиции кочевых империй степной Евразии. Ситуация стала меняться в начале XVIII в., когда Россия пошла по пути европеизации, в том числе и через изменение мировоззрения своего населения. Она постепенно теряла свои евразийские черты, свое ордынское наследие, так облегчившее ее продвижение к Тихому океану.

Список использованных источников и литературы

1. Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. Барнаул. 1995. 197 с.
2. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVIIв. Томск, 1950. Т. 112. 151 с.

Сведения об авторе: Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, профессор (Томск, Россия). E-mail: sherstova58@mail.ru